

ренного покоя и ощущения растекающегося по телу смертного сна.

Помимо новых качеств образно-композиционного мышления луврские «Пленники» дают пример нового чувства пластической формы, необычайно живой, осязаемой и в то же время одушевленной передачи человеческого тела. По сравнению с этими статуями моделировка «Давида» может показаться недостаточно энергичной, даже чуть суховатой. Та живая пластическая стихия, которая, как предвестие, прорвалась в юношеской «Битве кентавров», выразилась здесь во всей своей мощи в качестве характерной особенности художественного метода зрелого Микеланджело.

В исполненном несколько лет спустя после луврских «Пленников» «Моисее» Микеланджело возвращается к образу человека несокрушимой мощи. В разгневанном пророке, который, увидев отступничество своего народа от закона, готов разбить скрижали завета, скульптор создал могучий образ народного вождя, человека цельного характера и вулканической силы страстей (илл. 92). Сравнение «Моисея» с наиболее близким ему по духу «Давидом» дает возможность уловить особенности искусства Микеланджело на новом этапе его творческой эволюции. Юношеская отвага «Давида» выражала безграничную уверенность человека в способности преодолеть любые преграды. Энергия, активная действенность были выражены в нем настолько органично, что сам гигантский масштаб статуи не казался преувеличенным. Образ «Моисея», напротив, свидетельствует о том, что воля человека наталкивается на препятствия, для преодоления которых необходимо напряжение всех его сил. Микеланджеловская *terribilità* достигает здесь своей крайней заостренности: недаром повышенное волевое напряжение образа выражено не только в устрашающе грозном взгляде Моисея, но и в гиперболизированной мощи его телосложения, в напряжении мускулатуры; оно ощущается нами буквально в каждой детали — от резко